

Глава 4. Тыловой госпиталь.

Я пришел в себя после наркоза. Распахнув затуманенные глаза, я увидел перед собой девушку в белом халате и шапочке, склонившуюся надо мной. Где я? Я не смог понять, где я нахожусь.

– Вы очнулись! – радостно воскликнула она.

Наконец до меня дошло: я в госпитале в тылу. Всё тело казалось невероятно слабым.

– Где я? – спросил я, пытаюсь приподняться. Но голова закружилась, перед глазами заплясали тёмные пятна, и я бессильно упал обратно на подушку.

– Лежите, лежите, дорогая! – девушка аккуратно прижала меня обратно. – Пожалуйста, не двигайтесь, вы только что перенесли операцию. Если разойдётся шов, будет хуже. Скажите, если что-то нужно.

«Значит, операция...» Наверное, поэтому я так измотан. Я с трудом приподнял голову, глянул под одеяло и, к своему ужасу, заметил, что под бинтами на животе абсолютно ничего не было. Щёки залились краской. Вот ведь невезение! Всего лишь хотел посмотреть на девушек, купающихся в Москве-реке, а в итоге попал сюда. И мало того, что оказалась в другом времени, так ещё и в чужом женском теле!

Преодолевая смущение, я, всё же, выдавил:

– Где моя форма?

– Форма? – девушка на миг растерялась, но быстро нашлась. – Когда вас привезли в госпиталь, вы были абсолютно голый.

От её слов я ещё сильнее смутился. Значит, от самого 171-го участка я ехал без одежды? Позор-то какой!

– Я только что после операции. Почему у меня ничего не болит? –я поспешил сменить тему, чтобы как-то спастись от неловкости.

– Анестезия ещё действует. Но не думайте, что так будет всегда, вы ещё успеете настрадаться, – весело ответила она.

– А зачем наркоз?

– Чтобы вынуть осколки. Вы представляете, сколько их у вас было?

– Медсестра, как вас зовут?

– Вера.

– А как долго я здесь? Где прапорщик Васков? – воспоминания о товарище, с которым я делил тяготы боёв, всплыли мгновенно. Я попытался снова сесть, но накатил приступ тошноты, а перед глазами всё плыло.

– Лежите, лежите! Вы никак не успокоитесь. Оставьте швы в покое! – голос Веры раздавался будто издалека...

Когда я снова открыл глаз, медсестры рядом не было. С усилием повернув голову, я заметил в палате ещё одну кровать. На ней неподвижно лежал человек, укрытый одеялом до самого подбородка. Из-под него торчала только плотно забинтованная голова.

– Эй, вы спите? – тихо позвал я.

Чёрные, распухшие губы в щели между бинтами едва заметно шевельнулись. Лишь спустя мгновение я услышал слабый голос:

– Кто вы? Вы врач?

– Нет-нет! – поспешил ответить я, повышая голос, чтобы меня было лучше слышно. – Я такая же раненая, как и вы. Просто боец, попала в ту же палату.

Последние слова вышли словно оправдание.

– А я... умираю...

– Что вы такое говорите, товарищ! – возразил я, стараясь придать голосу бодрости, хотя сам в это не очень верил. – Я спрашивала у врачей: они сказали, что всё будет в порядке. Ну, может, придётся тут задержаться на месяц...

– Не нужно утешать меня... Я всё знаю, – ее слова, словно материальные, с трудом вырывались из пересохших губ.

Молчание повисло в воздухе.

– Где мы? – неожиданно спросила она.

– В госпитале, конечно, – быстро ответил я.

– В каком?

– Не знаю. Я очнулась - и сразу оказалась здесь.

Она снова замолчала, неподвижно лежа под одеялом. Но мне показалось, что её мысли были напряжённо сосредоточены на чём-то важном. Возможно, она собиралась что-то спросить.

И действительно, вскоре она заговорила:

– Я прошу вас... свяжитесь с моей семьёй... Вот мой адрес... Запишите, пожалуйста.

– Да прекратите вы! – не сдержался я. – Я же сказала...

– Мой адрес! – перебила она, повторяя настойчиво.

– Хорошо, – пришлось мне согласиться. – Я запомню ваш адрес, но сообщу вашим родным только то, что вы в больнице и лечитесь. Давайте, диктуйте.

Хотя я сам не мог двигаться, а тем более писать, я был уверена, что смогу запомнить адрес этой раненой женщины.

– Говорите, – повторил я.

– Москва... – с трудом произнесла она. – Гончарная улица... дом сорок семь... Катя...

Это место мне было знакомо. Где-то рядом с Гончарной улицей находится вокзал, я несколько раз встречал там людей, а однажды даже покупал ноутбук в расположенном поблизости магазине.

– Катя! – попытался я её успокоить. – Я запомнила ваш адрес. Не беспокойтесь, всё будет хорошо. Вы поправитесь.

Голова Кати чуть шевельнулась, губы еле заметно задрожали.

– Спасибо... – выдохнула она. – Но я знаю, что со мной... Мне осталось недолго.

Её голос становился всё тише, пока совсем не затих. Я, преодолевая боль, попытался приподняться и нажал на кнопку вызова медсестры.

Через несколько минут в палату вбежала Вера.

– Рита, что вам нужно? – её голос был встревожен.

– Её состояние ухудшилось! – крикнул я, показывая на Катю. – Посмотрите, что с ней!

Вера подошла к соседней кровати, наклонилась, затем поспешно вышла из палаты. В коридоре я услышал её крик:

– Врача!

Спустя мгновение Вера вернулась с группой врачей и медсестёр. Они начали вводить инъекции. Я лежал неподвижно, уставившись в потолок, размышляя:

«Похоже, Катя не справится. А сколько продержусь я? Всё это путешествие во времени оказалось не таким уж захватывающим. Почти всё время я провел в бессознательном состоянии».

Прошло неведомо сколько времени, когда внезапно вокруг стало тихо. В палате раздался мужской голос:

– Она умерла. Забирайте.

Тело Кати вынесли. Врачи и медсестры тоже покинули палату, оставив меня и Веру наедине.

– Сколько мне осталось? – пробормотал я, скорее сама себе, чем кому-то другому. Но всё же взглянул на Веру. – Я имею в виду... как долго я ещё смогу жить?

Мой вопрос был не из праздного любопытства. В условиях войны многие погибали не на поле боя, а на больничной койке.

– Что за глупости, дорогая! – ответила Вера, закрывая за собой дверь. – Операция прошла успешно. Все осколки из живота удалены. Полежите пару недель, и будете как новенькая.

– Где я? – внезапно спросил я, не сдержав своего настоящего беспокойства.

Вера посмотрела на меня с удивлением.

– В госпитале, конечно же.

– Я понимаю. – Я подобрал слова, чтобы объяснить точнее. – Я спрашиваю, в каком городе этот госпиталь?

– В Ленинграде, дорогая.

Ленинград? Неужели я оказался в городе, который был окружён немцами на долгие 900 дней в Великой Отечественной Войне?

– Какое сегодня число?

– Восьмое августа.

– А год?

– 1941-й.

Итак, получается, что война началась всего два месяца назад. Но ведь, если верить моим воспоминаниям, события «А зори здесь тихие» должны разворачиваться летом 1942 года. Неужели произошло какое-то смещение во времени?

– Рита, – заговорила Вера, видя моё напряжение. – Когда вас доставили сюда, у вас почти не осталось крови. Врачи даже не надеялись, что вы выживете. А вот смотрите - вы уже разговариваете со мной!

Я горько усмехнулся. На самом деле настоящая Рита погибла, а остался лишь я - самозванец.

– Как там дела на фронте? – спросил я, хотя и без того догадывался. Советская армия героически сопротивлялась, но под напором немецких войск отступала.

– Бои продолжаются, – коротко ответила Вера.

– Понятно.

– О вас я тоже слышала, – продолжила Вера. – Вы с товарищами уничтожили столько немцев! Командование собирается вручить вам награду.

– Откуда вы это знаете? – не удержался я.

– В госпитале полно новостей. Всё слышно, – ответила она обыденно. – Давайте познакомимся как следует. Меня зовут Вера Ивановна Королёва.

– Осянина Рита, – ответил я, немного смутившись. Мне пришлось вспомнить русские обычаи - фамилия и имя только в официальных случаях. Я пожал её руку и почувствовал неожиданное облегчение.

Мы разговаривали долго, пока я не заснул прямо в процессе.

<http://bllate.org/book/16020/1429197>